

Экономика КНДР в современных условиях

Яна Валерьевна Дёмина
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, yandemi@yandex.com
Марина Гамиловна Мазитова
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, mazitova@ecrin.ru

Аннотация. В исследовании выделяются особенности и тенденции развития экономики КНДР с момента основания страны. Авторами обозначены факторы, определяющие развитие внешнеэкономических взаимодействий государства. Показано, что экзогенные шоки на современном этапе (международные санкции, пандемия COVID-19) оказали на экономику КНДР негативное влияние, сопоставимое с кризисом 1990-х гг. Для восстановления и роста экономики страны необходимы значительные ресурсы (инвестиционные, трудовые, материальные), которыми КНДР в настоящее время не обладает.

Ключевые слова: КНДР, санкции, экспорт, импорт, внешняя торговля, ПИИ, международное сотрудничество в СВА

Для цитирования: Дёмина Я. В., Мазитова М. Г. Экономика КНДР в современных условиях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 152–162.

<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/152-162>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/152-162>

The DPRK's economy under modern conditions

Yana V. Dyomina
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia, e-mail: yandemi@yandex.com.
Marina G. Mazitova
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia, e-mail: mazitova@ecrin.ru

Abstract. The study highlights features and trends in the economic development of the DPRK since its founding. The authors identify factors determining the development of foreign economic relations of the state. The analysis shows that exogenous shocks (international sanctions, the COVID-19 pandemic) have had a negative impact on the DPRK economy comparable to the crisis of the 1990s. To restore and grow the economy the DPRK needs significant resources (investment, labor, material) which the country does not possess.

Key words: DPRK, sanctions, export, import, foreign trade, FDI, international cooperation in NEA

For citation: Dyomina Ya. V., Mazitova M. G. The DPRK's economy under modern conditions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 152–162. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/152-162>

Введение

После Второй мировой войны Корейский полуостров был разделён на два государства, избравших разные пути развития экономики. Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) была провозглашена 9 сентября 1948 г. и стала участницей советского блока. СССР являлся основным партнёром КНДР в экономической, политической и военной сферах. Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве с СССР было заключено 17 марта 1949 г., Договор о торговле и мореплавании, установивший режим наибольшего благоприятствования, – 19 ноября 1960 г. С 1980-х гг. Советский Союз стал постепенно утрачивать лидирующую роль в отношениях с КНДР, уступив её КНР [2].

В настоящее время КНДР продолжает привлекать внимание мирового сообщества, так как претендует на роль ядерной державы [10] и является примером страны, экономика которой функционирует в условиях почти полной финансовой и торговой блокады.

В данной работе авторами решаются следующие задачи: анализ экономического развития КНДР на разных этапах и оценка влияния экзогенных шоков (санкций, пандемии COVID-19) на экономику страны.

Экономика КНДР до 2016 г.

С момента образования КНДР власти страны решили перенять "сталинскую" экономическую модель СССР 1930-х гг., так как по мнению Ким Ир Сена именно она позволила Советскому Союзу одержать победу во Второй мировой войне и создать сильное государство. Классическими элементами

Табл. 1. Структура ВВП КНДР, среднее за период, %
Table 1. The DPRK's GDP structure, period average, %

Сектор	1970–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2022
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство	28,3	28,3	28,8	25,7	22,2	22,4
Промышленность	48,5	48,5	43,0	41,8	46,5	45,1
Услуги	23,2	23,2	28,2	32,5	31,3	32,5

Примечание: КНДР не публикует официальные данные с 1960-х гг., поэтому вся статистическая информация представляет собой оценки различных международных организаций и ведомств, которые могут сильно различаться между собой.

Источник: рассчитано авторами на основе: [35].

Source: calculated by the authors based on: [35].

указанной модели являются централизованное планирование; национализация средств производства; форсированная индустриализация с акцентом на тяжёлую промышленность; коллективизация сельского хозяйства; общая автаркия экономики [1; 30].

Стоит отметить, что концепция "чучхе", получившая в литературе устоявшееся значение опоры на собственные силы, заменила в КНДР марксизм-ленинизм, а её главный принцип "человек – хозяин всего сущего" далёк от советской идеологии [31]. Кроме того, наследственный принцип передачи власти в КНДР, хоть и не закреплённый законодательно, близок к монархическим государствам, а не к СССР [8].

В период 1949–1993 гг. было принято семь экономических планов, отличавшихся разными сроками выполнения. Первый план после образования КНДР был двухлетним (1949–1950 гг.), во время Корейской войны (1950–1953 гг.) планы не принимались, далее последовали трёхлетний план (1954–1956 гг.), пятилетний план (1957–1961 гг.), семилетний план (1961–1967 гг., был продлён до 1970 г.), шестилетний (1971–1976 гг.), второй семилетний план (1978–1984 гг.) и третий семилетний план (1987–1993 гг.) [25; 27; 33].

Все планы подразумевали преимущественное развитие тяжёлой промышленности как показатель успеха социалистического пути. Кроме того, исторически на севере Корейского полуострова были сконцентрированы промышленные производства, на юге – сельскохозяйственные угодья. Так, после окончания Второй мировой войны в КНДР было национализировано 1034 промышленных предприятия, среди которых часть объектов была построена японскими колониальными властями [32].

"Перекося" в сторону тяжёлой промышленности и оборонного комплекса (в 1962 г. была принята стратегия параллельного развития экономики и национальной обороны) ввиду ограниченности ресурсов сделал невозможным эффективное развитие лёгкой промышленности и сельского хозяйства, что, в итоге, сдерживало экономическое развитие в целом [33].

Сложившаяся под влиянием директивного планирования структура северокорейской экономики характеризовалась преобладанием вторичного сектора (промышленности) и слабо изменилась за последние полвека: произошло небольшое перераспределение в пользу третичного сектора (сферы услуг) (табл. 1).

В первые десятилетия существования КНДР ускоренная индустриализация с акцентом на тяжёлую, химическую и оборонную промышленность давала положительный результат в виде высоких темпов роста ВВП и ВВП на душу населения, позволяя опережать по этим показателям Республику Корея (до конца 1960-х гг.) [11]. Однако экстенсивный путь развития в условиях ограниченности ресурсов неизбежно привёл к замедлению темпов экономического роста, которое наблюдалось уже во второй половине 1970-х гг. Данный процесс продолжился в 1980-е гг., а 1990-е гг. стали для КНДР "потерянным десятилетием" (табл. 2).

Табл. 2. Темпы прироста ВВП КНДР, среднее за период, %
 Table 2. The DPRK's GDP growth rates, period average, %

Показатель	1971–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2023
ВВП	7,60	2,68	- 3,01	1,40	- 0,04	- 0,65
ВВП на душу населения	5,61	4,01	0,22	1,24	2,82	- 1,51

Источник: рассчитано авторами на основе: [35].

Source: calculated by the authors based on: [35].

Несмотря на то, что западные эксперты называют КНДР государством-отшельником или изгоем и установку властей на самодостаточность страны, республика всегда зависела от внешнеэкономических связей. Так, в богатой минеральными ресурсами стране (было обнаружено около 300 видов) отсутствуют нефть, газ и коксуемый уголь, что сделало неизбежным их импорт [5; 17; 19].

Основным внешним рынком для КНДР практически до начала 1990-х гг. являлся СССР (в 1960–1980 гг. его доля во внешней торговле составляла от 25 до 50% [14]). Специфической формой торговли между странами являлись операции по товарообмену, которые осуществлялись в довольно крупных размерах и являлись выгодными для обеих сторон.

В 1970-е гг. были предприняты шаги по получению технологий, капитала и оборудования от западных государств. Однако из-за последствий нефтяного шока 1973 г. (рост цен на импортируемое сырьё, машины и оборудование, падение цен на цветные металлы, такие как цинк и свинец, которые были основными экспортными товарами) КНДР оказалась не в состоянии своевременно погашать иностранные займы и кредиты на импорт. Так, в 1975 г. общий внешний долг КНДР составлял около 1,7 млрд долл.: 700 млн долл. – странам социалистического блока, около 1 млрд долл. – капиталистическим странам (по состоянию на конец 1981 г. из-за возросших процентов внешний долг КНДР достиг 3 млрд долл.: 700 млн долл. – СССР, 330 млн долл. – КНР, 630 млн долл. – западноевропейским банковским кредиторами, 340 млн долл. – Японии, 1 млрд долл. – всем странам Западной Европы) [39].

С 1980 г. экономическая политика КНДР явно предусматривала расширение внешней торговли, которое достигалось за счёт неуклонно возрастающей зависимости от СССР. С 1984 г. экономические отношения КНДР и СССР осуществлялись на существенно льготной основе в виде финансирования СССР дефицита КНДР в торговом балансе, а также советских соглашений о ценообразовании с КНДР (экспорт угля и нефти из СССР осуществлялся по ценам, существенно ниже мировых рыночных цен в течение большей части 1980-х гг.) [20].

В конце 1980-х гг. объём бартерной торговли между КНДР и СССР постепенно уменьшался, а переход в начале 1991 г. к расчётам в долларах по ценам мирового рынка на основе заключения разовых контрактов положил конец субсидируемой торговле. Резкое сокращение торгового оборота с Россией и республиками бывшего СССР привело в 1992 г. к падению объёма внешнеторгового оборота страны (рис. 1).

Стоит отметить, что, несмотря на масштабную поддержку со стороны СССР и стран Варшавского договора, КНДР постоянно испытывала дефицит инвестиционных ресурсов, необходимых для модернизации старых и создания новых крупных промышленных объектов. Поэтому в 1980–1985 гг. КНДР под влиянием реформ КНР на экспериментальной основе ввела политику открытых дверей. В 1984 г. были приняты "Политика расширения и развития внешнеэкономического бизнеса и торговли" и Закон о совместных предприятиях, положивший начало развитию законодательной базы КНДР в области внешнеторгового и валютного регулирования [39]. Однако из-за неудовлетворительной деловой среды КНДР не удалось привлечь большой объём ПИИ от широкой группы иностранных инвесторов. К началу 1990-х гг. предпола-

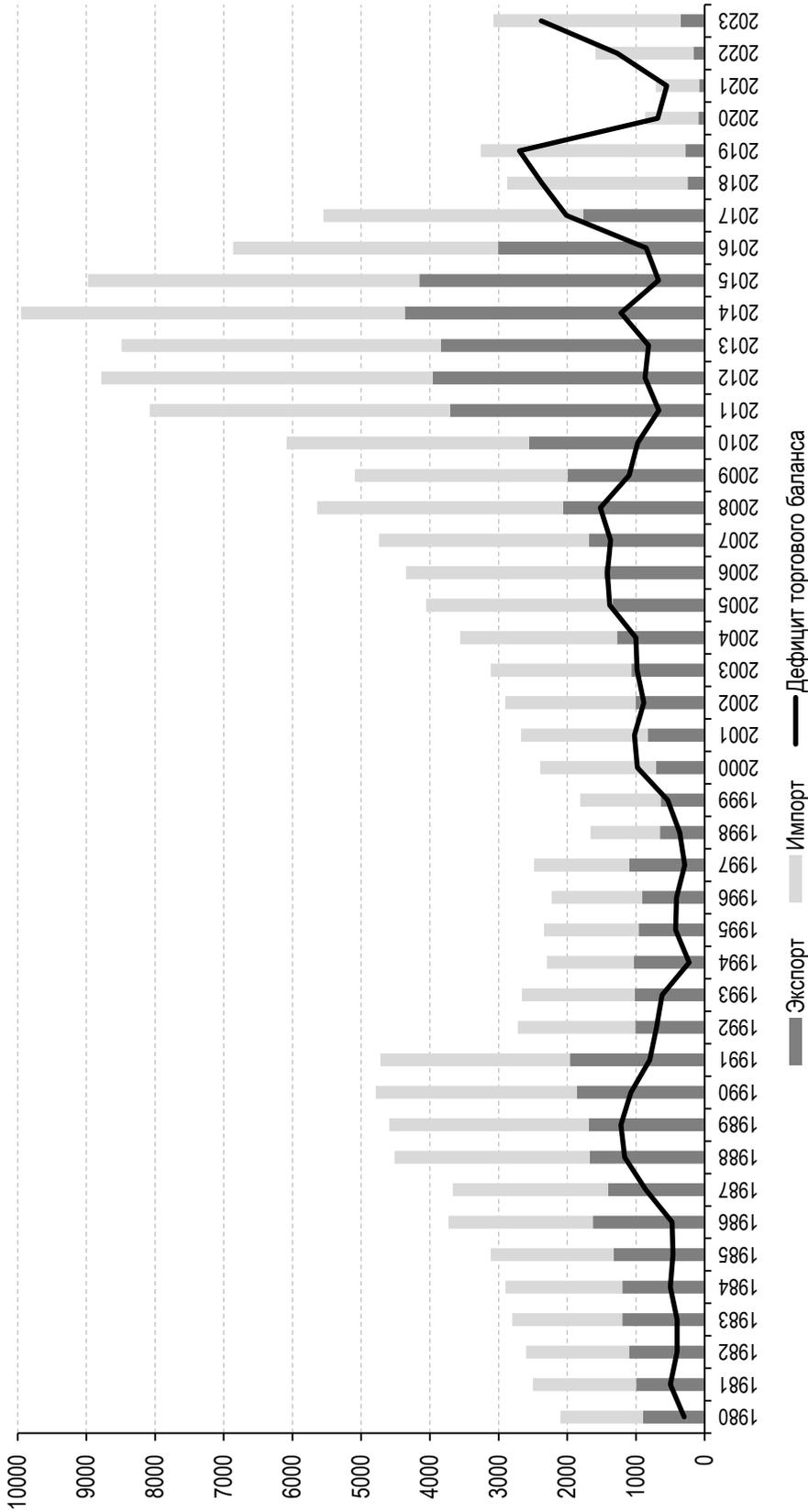

Рис. 1. Внешняя торговля КНДР, млн долл.

Fig. 1. Foreign Trade of the DPRK, million USD.

Источник: рассчитано авторами на основе: [35].

Source: calculated by the authors based on: [35].

гаемая общая капитализация совместных предприятий составила всего около 150 млн долл. [29].

В 1986–1991 гг. в связи с отказом от политики открытости Закон о совместных предприятиях функционировал как правовой механизм, но в основном для поощрения инвестиций в КНДР из Японии со стороны Чонгрён¹, а не экономического сотрудничества с капиталистическими странами. В этот период было зафиксировано в общей сложности 32 случая инвестиций со стороны связанных с Чонгрён компаний на сумму 31,3 млн долл. (большая часть инвестиций осуществлялась в 1988–1989 гг., наибольшая доля приходилась на текстильный сектор) [39].

С 1991 г. КНДР, экономика которой оказалась в глубоком кризисе в результате резкого сокращения поступления в страну энергетических товаров, технологий и капитала после распада СССР, снова начала развивать экономическое сотрудничество с капиталистическими странами. В декабре 1991 г. началось осуществление проекта создания Свободной экономической и торговой зоны Раджин-Сонбон ("Расон"), что явилось началом политики открытия рынка в 1990-х гг., включавшей возможность учреждения совместных предприятий с участием иностранного капитала на всей территории КНДР (в зоне "Расон" – со 100% иностранным капиталом), снижение налога на прибыль, а также возможность использования земли иностранными фирмами в течение 50 лет. Однако до конца 1990-х гг. поступления ПИИ в зону "Расон", в частности, в производственный сектор, были незначительными (объём накопленных ПИИ в 1999 г. составлял 750 млн долл.) [29].

Стоит отметить, что после распада социалистического блока экономика КНДР стала включать в себя не только такие рыночные элементы, как создание специальных экономических зон, но и "маркетизацию снизу" (формирование стихийных потребительских рынков по всей стране) [22; 23], а экономические планы не принимались более 30 лет.

В то же время внешняя торговля КНДР за период 1995–2006 гг. характеризовалась в целом положительным трендом. В географической структуре экспорта лидерство принадлежало Японии, Мексике и КНР, в импорте – КНР, России и Германии [3].

Отношение к иностранным инвестициям сменилось на негативное: Закон об иностранных инвестициях был пересмотрен в феврале 1999 г., в основном ограничив их зоной "Расон". С другой стороны, в этот же период налаживаются связи с Югом, чему способствовала политика "солнечного тепла", проводившаяся правительством Республики Корея. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. резко увеличились инвестиции в КНДР со стороны компаний Республики Корея. Было достигнуто соглашение по Кымгансанскому туристическому проекту, началась реализация проекта Кэсонского промышленного комплекса.

В 2006 г. КНДР провела первое успешное испытание ядерного оружия, вследствие чего оказалась под международными санкциями. Сначала был запрещён экспорт в страну ряд наименований военной техники, а также предметов роскоши. В дальнейшем, в 2009 и 2013 гг., СБ ООН расширил санкции, введя, в частности, финансовые рестрикции [38]. Наиболее жёсткие ограничения были введены в 2016–2017 гг.

До 2014 г. введение международных санкций и обострение отношений между Севером и Югом в целом не повлияло на объёмы внешней торговли КНДР – сохранялся положительный тренд. Однако, ужесточение санкций и нивелирование торговли с Югом привели к резкому уменьшению экспорта и импорта страны (см. рис. 1). КНР стала практически монопольным торговым партнёром КНДР [3].

С приходом нового лидера в конце 2011 г. в КНДР было провозглашено начало экономических реформ. В 2013 г. был принят Закон о зонах экономического развития (ЗЭР), было объявлено о выделении 13 территорий в 8 провинциях для ускоренного развития с участием иностранных инвесторов. Однако создание новых зон совпало с периодом расширения и ужесточения международных санкций в отношении КНДР, в условиях которых невозможно обеспечить их финансирование, так как все проекты были ориентированы

¹ Генеральная ассоциация корейских граждан в Японии.

в основном на иностранных инвесторов и требовали значительных вложений [4].

Реформы коснулись и других сфер: сельского хозяйства (введение бригадного подряда), деятельности предприятий (руководители некоторых предприятий получили право самостоятельно организовывать работу), научно-технической сферы (повышенное внимание не только к технологиям, которые необходимы для решения наиболее острых вопросов (продовольствие, энергетика), но и к "зелёным" технологиям) [23].

Проведённые реформы способствовали незначительному экономическому росту – прирост ВВП составил 1,1%² в среднем за 2012–2014 гг. однако их положительное влияние оказалось недолгим – уже в 2015 г. снова наблюдалось снижение ВВП (на 1,1%) [35].

Таким образом, за время существования КНДР экономическая модель страны трансформировалась. В итоге сформировалась смешанная система, где административно-командная экономика сочетается с рыночными элементами. Кроме того, роль основного партнёра во всех сферах внешнего взаимодействия перешла от СССР к КНР.

Экономика КНДР на современном этапе

На современном этапе экономика страны подверглась влиянию серьёзных экзогенных шоков в виде ужесточения санкций в 2016–2017 гг. и пандемии COVID-19.

В мае 2016 г. на VII Съезде Трудовой партии Кореи (ТПК) был одобрен первый пятилетний план современной эпохи (2016–2020 гг.), в котором делалась ставка на повышение уровня жизни населения и в то же время дальнейшее развитие ядерной программы. Предполагалось, что к моменту выполнения плана КНДР должна стать "научно-технической, экономической и высокоцивилизованной державой" [21]. Однако внешние шоки не позволили осуществить задуманное.

Так, в соответствии с резолюциями СБ ООН 2270, 2321, 2371, 2375, 2397 были введены широкомасштабные секторальные запреты (ограничения коснулись 96% экспорта КНДР по товарной номенклатуре 2016 г.), запрещено создание совместных предприятий, экспорт северокорейской рабочей силы, передача финансовых активов, проведение операций с международной финансовой системой, осуществление морских перевозок, поставка в страну энергоресурсов (кроме исключений в небольших объёмах), всех видов промышленного оборудования, стали и др. [12; 13; 28].

До введения санкций за рубежом трудилось, по разным оценкам, от 50 до 150 тыс. граждан КНДР. Основной сферой их деятельности было строительство, основными направлениями миграции – КНР и Россия. География трудовой миграции была весьма обширна, включая около 40 государств (КНР, Россия, Польша, Катар, Кувейт, ОАЭ, Нигерия, Малайзия и др.). Ежегодные доходы КНДР от экспорта рабочей силы, по разным оценкам, составляли от 130 до 500 млн долл. [26].

Вследствие введенных санкций произошло "сжатие" экономики: в 2017 г. реальный ВВП страны сократился на 3,5%, в 2018 г. – на 4,2%. В 2019 г. был отмечен слабый прирост в размере 0,4% [35].

Хотя международные оценки демонстрируют сокращение ВВП КНДР, данные Добровольного национального обзора КНДР по реализации Повестки 2030 (целей устойчивого развития ООН) содержат информацию о приросте ВВП страны в 2015–2019 гг. в среднем на 5,1% [18]. К этим данным следует относиться скептически, т. к. внутренние ресурсы для устойчивого развития страны невелики, а внешняя торговля в условиях санкций весьма ограничена.

Вследствие санкционных ограничений, которые коснулись в большей степени экспорта, к 2018 г. дефицит торгового баланса увеличился до более чем 2 млрд долл., что вдвое превышало среднегодовые показатели 2004–2015 гг. Однако в торговой статистике не учитываются комиссии, выплачиваемые экспортерам из КНДР их клиентами за рубежом, а также контрабандная торговля, которая широко распространена в значительной степени с участием

² Рассчитано авторами на основе: [35]. По данным [7] – 4–5%.

государственных торговых компаний КНДР, работающих в КНР [26]. Так, по данным ООН, в 2017 г. из КНДР были экспортированы в нарушение санкций уголь и другие товары примерно на 200 млн долл. [37].

Пандемия COVID-19 усугубила сложившуюся в экономике ситуацию: в 2020 г. реальный ВВП государства снизился на 4,5% (худший показатель с 1999 г.) [35]. Что касается конкретных отраслей, то наибольшее падение темпов прироста наблюдалось в горнодобывающей промышленности – на 9,6%. В то же время секторы электро-, газо- и водоснабжения и строительства продемонстрировали рост – на 1,6% и 1,3% соответственно [16].

Влияние на внешнюю торговлю КНДР ограничительных мер во время пандемии, в отличие от санкций, выразилось в критическом падении импорта (не только в официальном, но и в контрабандном) [36]. В 2020 г. внешняя торговля КНДР уменьшилась на 78,2%, при этом импорт уменьшился на 81% [28]. Вследствие эпидемиологических ограничений полностью прекратился приток туристов (преимущественно граждан КНР), которые, по оценкам, принесли ежегодный доход в размере 44 млн долл. [37].

Следующий пятилетний план (2021–2025 гг.) был принят на VIII Съезде ТПК в январе 2021 г. [28]. По итогам данного Съезда был обозначен курс на свёртывание реформ, а главными целями нового плана стали "продолжительный экономический рост и значительное улучшение жизни народа" [6].

Устойчивого экономического роста добиться пока не удалось: в 2021 г. реальный ВВП КНДР снизился на 0,1%, в 2022 г. – на 0,2%, в 2023 г. наблюдался прирост в размере 2,1% [35].

На заседании Центрального комитета ТПК в декабре 2023 г. был отмечен прогресс во всех областях, включая военную, экономическую, научную и здравоохранительную. Значительно возросли урожаи в сельском хозяйстве, был отмечен прогресс в строительстве жилья в Пхеньяне и в сельской местности, рост производства в приоритетных секторах (металлургической и химической промышленности) и внедрение улучшений в управлении экономикой, которые были сосредоточены на усилиях по мобилизации под руководством партии. Также была одобрена амбициозная стратегия регионального развития промышленности в 20 округах на 10 лет, которая получила название "политика регионального развития 20×10". Предполагается, что она будет осуществляться параллельно с текущей программой строительства жилья в сельской местности. Войска Корейской народной армии получили разрешение на мобилизацию для поддержки строительных работ. Возвращение к массовой мобилизации и опоре на науку и технику для повышения производительности в экономике стало шагом назад к прежней классической социалистической модели развития [15].

В 2022–2023 гг. власти КНДР, наконец, отменили ограничения, введённые из-за пандемии COVID-19. Со второй половины 2022 г. после возобновления движения грузовых поездов наблюдалась положительная динамика торговли между КНДР и КНР. В 2022 г. экспорт увеличился в 2,2 раза по сравнению с 2021 г., импорт – в 2,4 раза. В 2023 г. объём торговли увеличился в 2,4 раза по сравнению с 2022 г., но не достиг уровня 2019 г. [24].

Для увеличения валютных доходов власти КНДР ведут поиск "новых" экспортных товаров, не попадающих под санкционные ограничения. Так, парики, краска для волос и т. д. (2023 г. – 57,1% от экспорта) стали заменой запрещённых к экспорту текстилю и одежде. В последние годы увеличивался также экспорт "альтернативных" полезных ископаемых, таких как вольфрамовые и молибденовые руды (доля в экспорте в 2022 г. – 23,1% и 10,2% соответственно). Кроме того, всё ещё экспортируются, несмотря на санкции, такие продукты как ферросплавы и шёлк-сырец. Так, в 2023 г. ферросплавы занимали вторую позицию в экспорте (11%) КНДР, поскольку КНР интерпретирует ферросилиций, составляющий большую часть экспортируемой продукции в данной категории, как несанкционный товар, утверждая, что это кремний, а не железо. Также в 2020 г. наблюдалось увеличение экспорта электроэнергии, несмотря на нехватку данного ресурса в стране [24].

Основу импорта КНДР в 2023 г. составляли товары, используемые в качестве промежуточных в промышленном производстве, такие как пластмассы, материалы для париков, текстиль, химические удобрения и резиновые шины, а также потребительские товары: рис, соевое масло, средства личной гигие-

ны, сигареты и медицинские товары. Увеличение импорта промежуточных товаров свидетельствует о восстановлении производственной деятельности в стране [24].

По итогам 2023 г. в экономике КНДР началось восстановление после периода спада, которое, возможно, продолжится в 2024 г. В частности, по данным официальной печати КНДР (газеты "Нодон Синмун") месячные экономические планы за август 2024 г. были выполнены не только в приоритетных отраслях промышленности (химической и металлургической), но и производстве электроэнергии, угля, промышленного оборудования, строительном секторе, рыболовстве и др. [34].

Однако, для выполнения годового плана и пятилетнего плана (2021–2025 гг.) в целом, стране необходимы значительные финансовые, трудовые и материальные ресурсы. По мнению западных экспертов [15], собственных ресурсов в КНДР недостаточно, а сотрудничество с КНР и РФ, хоть и приносит политические выгоды, но не даёт необходимых экономических ресурсов, т. к. сотрудничество на льготной и безвозмездной основе осталось в прошлом.

Таким образом, санкционные ограничения и шок от пандемии оказали на экономику КНДР негативное влияние, сравнимое по масштабам с кризисом 1990-х гг. Восстановление экономики, согласно планам властей, предполагается за счёт активного строительства промышленных и жилых объектов в разных частях страны и нивелирования регионального неравенства, а также за счёт наращивания объёмов торговли.

Заключение

Несмотря на то, что в основе экономической модели развития КНДР лежал опыт СССР 1930-х гг. (централизованное планирование; национализация средств производства; форсированная индустриализация с акцентом на тяжёлую промышленность; коллективизация сельского хозяйства; общая автаркия экономики), кризис 1990-х гг., вызванный распадом советского блока, повлиял на формирование особого механизма функционирования экономики страны. Так, экономическая модель трансформировалась в гибридную: плановая экономика начала включать в себя элементы рыночной системы (свободные экономические зоны, потребительские рынки и не признаваемая официально, но учитываемая в ВВП частная собственность).

В современных условиях после ужесточения санкций в 2016–2017 гг., которые полностью заблокировали инвестиционное сотрудничество и жёстко ограничили экспортно-импортные операции, а также после длительной изоляции страны вследствие пандемии наблюдалось сильнейшее с 1999 г. падение ВВП КНДР.

После снятия ограничительных эпидемиологических мер в 2022–2023 гг. в экономике страны отмечалось постепенное восстановление. Объёмы торговли с основным партнёром – КНР – пока не достигли уровня 2019 г., но демонстрируют положительную динамику. Также для увеличения валютных поступлений за счёт внешней торговли руководство страны расширяет номенклатуру экспорта "альтернативными" товарами, которые не попадают под действие санкций (электроэнергия, "новые" руды и др.), а также развивают давальческую торговлю по новым направлениям.

Получение валютных доходов от экспорта рабочей силы невозможно вследствие санкций. В то же время пока не произошло восстановление въездного туризма до уровня 2019 г. Так, в 2024 г. единственными туристами, посетившими КНДР, были граждане РФ в составе небольших групп.

Для дальнейшего восстановления и роста экономики страны необходимы значительные ресурсы (инвестиционные, трудовые, материальные).

В июне 2024 г. между Россией и КНДР были подписаны договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере здравоохранения, медицинского образования и науки, а также соглашение о строительстве пограничного автомобильного моста через р. Туманная. Указанные документы предполагают развитие сотрудничества в сфере освоения космоса, мирной атомной энергии, информационных технологий, сельского хозяйства, охраны окружающей среды, предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий, туризма, образования, здравоохранения и др., которые не попадают под международные санкции.

Однако, несмотря на установление стратегического партнёрства, в условиях сохранения санкционного режима реализация многих проектов оказывается невозможной. Смягчение или отмена санкций предполагают денуклеаризацию страны, что в ближайшей перспективе маловероятно, так как этот процесс связан с интересами нескольких ключевых игроков в регионе – США, КНР и России.

Литература / References

1. Аптекарь П. 100 лет СССР: насколько эффективной и жизнеспособной была советская экономика // HSE Daily. URL: <https://daily.hse.ru/post/100-let-sssr-naskolko-effektivnoy-i-zhiznesposobnoy-byla-sovetskaya-ekonomika> (дата обращения: 22.10.2024).
Aptekar P. 100 years of the USSR: How Efficient and Viable Was the Soviet Economy // HSE Daily. URL: <https://daily.hse.ru/post/100-let-sssr-naskolko-effektivnoy-i-zhiznesposobnoy-byla-sovetskaya-ekonomika> (accessed 22.10.2024). (In Russ.).
2. Бардаль А. Б., Демьяненко А. Н., Дёмина О. В., Дёмина Я. В., Ломакина Н. В., Минакир П. А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. <https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.18>
Bardal A. B., Demyanenko A. N., Dyomina O. V., Dyomina Y. V., Lomakina N. V., Minakir P. A. About the Trilateral Economic Cooperation of Republic of Korea, DPRK, and Russia // Regionalistics. 2018. Vol. 5. No. 6. P. 18–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.18>
3. Дёмина Я. В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>
Dyomina Ya.V. DPRK's Foreign Trade: The Impact of Sanctions // Regionalistics. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 5–28. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>
4. Дёмина Я. В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 64–75. <https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.64>
Dyomina Ya.V. Economic Development Zones in the DPRK: Prospects under International Sanctions // Regionalistics. 2019. Vol. 6. No. 4. P. 64–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.64>
5. Захарова Л. В. Современная экономика КНДР и перспективы её трансформации // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 91–103. <https://doi.org/10.31857/S013128120004643-0>
Zakharova L. Modern DPRK Economy and Prospects for Its Transformation // Far Eastern Studies. 2019. No. 2. P. 91–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120004643-0>
6. Захарова Л. В. VIII Съезд трудовой партии Кореи и его экономические задачи // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022. С. 103–112. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.93.90.035>
Zakharova L. VIII Congress of the Workers' Party of Korea and Its Economic Tasks // East Asia: Past, Present, Future. 2022. P. 103–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.93.90.035>
7. Ланьков А. Вперёд в прошлое: Северная Корея возвращается к плановой экономике? // Международный дискуссионный клуб "Валдай". URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vperyed-v-proshloe-severnaya-koreya/> (дата доступа: 22.08.2024).
Lankov A. Forward to the Past: Is North Korea Returning to a Planned Economy? // Valdai International Discussion Club. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vperyed-v-proshloe-severnaya-koreya/> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
8. Ланьков А. Н. Транзит номер три: начало // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 161–178. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-161-178>
Lankov A. Transit Number Three: The Beginning // Russia in Global Politics. 2024. Vol. 22. No. 5. P. 161–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-161-178>
9. Ланьков А. Бизнес в Северной Корее: на что рассчитывают предприниматели? // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/09/03/2016/56dfcb759a79471986698f73> (дата обращения: 30.08.2024).
Lankov A. Business in North Korea: What Do Entrepreneurs Expect? // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/09/03/2016/56dfcb759a79471986698f73> (accessed 30.08.2024). (In Russ.).
10. Лешаков П. С., Соловьев А. В. КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 20–35. <https://doi.org/10.31857/S013128120027132-6>
Leshakov P., Solovyov A. DPRK as a Structural Factor of Regional and Global Security // Far Eastern Studies. 2023. No. 4. P. 20–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120027132-6>
11. Лукин А. Л. Конец стратегического одиночества КНДР? // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 126–143. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-126-143>
Lukin A. L. The End of the Strategic Loneliness of the DPRK? // Russia in Global Politics. 2024. Vol. 22. No. 1. P. 126–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-126-143>
12. Резолюции // СБ ООН. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/resolutions?page=0> (дата обращения: 22.10.2024).

- Resolutions // UN Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/resolutions?page=0> (accessed 22.10.2024). (In Russ.).
13. Толорая Г. Д., Коргун И. А., Горбачева В. О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
Toloraya G. D., Korgun I. A., Gorbacheva V. O. Sanctions Against the DPRK: an Analysis of the Consequences and Lessons. Scientific Report. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 46 p. (In Russ.).
 14. Тригубенко М. Е., Нгуен К. Х. Россия возвращается в КНДР: торгово-экономическое сотрудничество вчера и сегодня. Потенциал возможностей для развития // Экономика и управление. 2019. № 5. С. 28–33.
Trigubenko M. E., Nguyen K. H. Russia Returns to North Korea: Trade and Economic Cooperation Yesterday and Today. Potential Development Opportunities. // Economics and Management. 2019. No. 5. P. 28–33. (In Russ.).
 15. Babson B. O. What to Make of North Korea's Forward-looking Economic Strategy and Prospects // 38 North. URL: <https://www.38north.org/2024/02/what-to-make-of-north-koreas-forward-looking-economic-strategy-and-prospects/> (accessed 22.10.2024).
 16. Bertelsmann Stiftung, BTI 2024 Country Report – North Korea. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2024. 33 p.
 17. Chung J. The Mineral Industry of North Korea. In: 2020–2021 Minerals Yearbook. North Korea // U.S. Geological Survey. 2024. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2020-21/myb3-2020-21-north-korea.pdf> (accessed 23.10.2024).
 18. Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review on the Implementation of the 2030 Agenda for the Sustainable Development // UN. 2021. 66 p. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (accessed 20.10.2024).
 19. Development Prospects for North Korea / Ed. by Jung T. Y., Kang S. J. New York: Routledge, 2021. 225 p.
 20. Eberstadt N., Rubin M., Tretyakova A. The Collapse of Soviet and Russian Trade with the DPRK, 1989–1993: Impact and Implications // International Journal of Korean Unification Studies (IJKUS). 1995. Vol. 4. P. 87–104.
 21. Fifield A. North Korea Announces Five-Year Economic Plan, Its First Since the 1980s // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/north-korea-announces-economic-plan-after-unprecedentedly-grim-struggle/2016/05/08/c84088e2-1214-11e6-a9b5-bf703a5a7191_story.html (accessed 23.10.2024).
 22. Gray K., Lee J. W. Following in China's footsteps? The political economy of North Korean reform // The Pacific Review. 2017. Vol. 30. Issue 1. P. 51–73. <https://doi.org/10.1080/09512748.2015.1100666>
 23. Hanssen U., Song J. W. Marketization in North Korea: Scenarios for Economic, Political and Social Change // The Swedish Institute of International Affairs. 2019. 22 p. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/ui-paper-no.-1-2019.pdf> (accessed 22.10.2024).
 24. KDI Review of the North Korean Economy. 2024. Vol. 26. No. 1. URL: https://www.kdi.re.kr/eng/research/monNorth?pub_no=18211 (accessed 30.08.2024) (in Kor.).
 25. Kim M. A Historical Survey of North Korea's Economic Development and Trade, 1945–1984 // International Journal of Korean Unification Studies. 2002. Vol. 11. No. 2. P. 253–281.
 26. Koen V., Beom J. North Korea: The Last Transition Economy? // Economics Department Working Papers. 2020. No.1607. URL: <https://one.oecd.org/document/ECO/WKP%282020%2915/En/pdf> (accessed 22.10.2024).
 27. Koh B. C. North Korea's Strategy Toward South Korea // Asian Perspective. 1994. Vol. 18. No. 2. P. 37–53.
 28. Lee J. The Impacts of Economic Sanctions and Covid-19 on the North Korean Economy: 2017–2020 // Korea Economic Institute (KEI). 2022. URL: <https://keia.org/publication/the-impacts-of-economic-sanctions-and-covid-19-on-the-north-korean-economy-2017-2020/> (accessed 18.10.2024).
 29. Mah J. S. The Sino-North Korea International Economic Relationship and the Economic Development of North Korea // World Econ. 2021. Vol. 44. Issue 2. P. 586–600. <https://doi.org/10.1111/twec.12903>
 30. Matveeva N. I. Transplantation and adaptation of the Soviet economic model in North Korea, 1945–1960 // RUDN Journal of Russian History. 2023. Vol. 15. No 4. C. 403–412. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-403-412>
 31. Myers B. R. North Korea's Juche Myth. Busan: Sthele Press, 2015. 300 p.
<https://doi.org/10.5817/PC2017-1-74>
 32. Nakagawa M. Success and Failure of North Korean Development Strategy // Institute of Developing Economies. 2020. Discussion Paper No. 769. 22 p.
 33. North Korea Development Report 2002 / 03. // Korea Institute for International Economic Policy. Seoul: KIEP, 2003. 568 p.
 34. Progress Made in Fulfillment of Economic Plan // Rodong Sinmun. URL: <http://rodong.rep.kp/en/index.php?MTJAMjAyNC0wOS0wNC11MDAyQDRANUBAMEA1OQ==> (accessed 22.10.2024).
 35. Statistics Database // UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 16.08.2024).

36. The DPRK Economic Outlook 2020 // 2021. Ed. by S. Lee. URL: <https://www.kdi.re.kr/eng/research/monDprk> (accessed 30.08.2024).
37. The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Ed. by Chiang M. H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.
38. Zhang A., Ma X. Be the First Investor to Eat Crabs in North Korea: Tips for Bilateral Investment Treaties // The Journal of World Investment and Trade. 2021. Vol. 22. P. 181–222. <https://doi.org/10.1163/22119000-12340207>
39. 李燦雨. 鮮民主主義人民共和國の外国資本導入史 = Ли Чан-У. История внедрения иностранного капитала в КНДР // ERINA Report. 2001. Vol. 41. P. 9–20. URL: https://www.unii.ac.jp/erina-unp/archive/wp-content/uploads/2001/01/Er41_tssc.pdf (accessed 16.08.2024).
Lee Ch.W. The History of Foreign Capital Introduction in the DPRK // ERINA Report. 2001. Vol. 41. P. 9–20. URL: https://www.unii.ac.jp/erina-unp/archive/wp-content/uploads/2001/01/Er41_tssc.pdf (accessed 16.08.2024) (In Jap.).

Информация об авторах

Яна Валерьевна Дёмина, канд. экон. наук, старший научный сотрудник отдела регионального моделирования, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: yandemi@yandex.com.

Марина Гамиловна Мазитова, научный сотрудник отдела регионального моделирования, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: mazitova@ecrin.ru

Information about the authors

Yana V. Dyomina, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Regional Modeling, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: yandemi@yandex.com.

Marina G. Mazitova, Researcher, Department of Regional Modeling, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: mazitova@ecrin.ru

Поступила в редакцию 02.09.2024

Received 02.09.2024

Одобрена после рецензирования 03.05.2024

Approved 03.05.2024

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025